

«в рамках возможного», ни инициированные самими кредиторами и казной особые формы организации управления и собственности (кредиторское управление и акционерная компания). Видимо, несмотря на уже вековой опыт российской европеизации, Запад не был еще в первой половине XIX в. готов к такому непосредственному «контакту» с Уралом, а Урал – с Западом, каким явился пример предпринимательства Андрея Андреевича Кнауфа и его кредиторов.

Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.

Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Л., 1991.

Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное правление); Ф. 43 (Канцелярия главного начальника заводов хребта Уральского).

История предпринимательства в России. М., 2000.

Истории Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1998.

Лизунов П. В. Штиглицы – «некоронованные короли» российских финансов // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 35–51.

Металлургические заводы Урала XVII–XIX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в.: (Заводы и заводоладельцы). М., 1962.

Павлов А. Московский именитый гражданин А. А. Кнауф // Деловой Урал. 1999. № 27. С. 2.

РГАДА. Ф. 271 (Берг-коллегия).

РГИА. Ф. 37 (Горный департамент Министерства финансов).

Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1999.

Ю. В. Боровик

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА УРАЛА В 1917–1921 гг.¹

В первые месяцы после Февральской революции 1917 г. общество «обновленной» России охватила эйфория. Поддержку Временному правительству выражали многие бывшие подданные империи. Лояльность к новой власти выказывалась и старообрядцами. Особенно распространенным было направление приветствий от упомянутых в предыдущей главе политических собраний, а также от отдельных старообрядческих обществ. Например, из Екатеринбурга «искренний привет водителям российского освободительного движения» был послан Успенской общиной: «Часовенное старообрядчество, как и весь русский

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 04–01–83 106а/У.

народ, переживает восторг освобождения дорогой Родины от гнета прежней власти и молит Бога о ниспослании России внутреннего мира, благоденствия и даровании победы над внешним врагом» [Привет старообрядцев, 1917]. Подобная же телеграмма была отправлена Белокриницкой общиной г. Уральска [Уральск, 1917, 34]. Екатеринбургские «австрийцы» в одной из местных газет поместили горячее воззвание: «Дорогие братья! Встаньте, соберемся вместе... Будем приветствовать обещавшихся нам устраивать лучшую жизнь и благословим их нашими молитвами...» [Старообрядцам, 1917]. В столь стремительном переходе от выражения верноподданнических чувств императору к пламенным приветствиям Временному правительству (фактически сменилось лишь наименование адресата) можно увидеть не только желание выразить эмоции, но и тактический расчет: организаторы съездов и председатели общин, т. е. светские лидеры старообрядческих обществ, знали, насколько важна благосклонность власти, и старались не упускать возможность заручиться ее поддержкой. Подвигнуть съезд или собрание общины к решению отправить послание в адрес правительства весной 1917 г. не составляло большого труда. Настроения старообрядцев не отличались от настроений царящих в то время в обществе в целом: с новой властью люди связывали надежды на быстрое преодоление всех трудностей.

Однако мираж быстрых перемен к лучшему растаял довольно скоро. Признаки нарастающего экономического кризиса проявились в том числе и в сферах, лежащих в основе хозяйственно-конфессиональных связей старообрядцев горно-заводской зоны, – торговле и промыслах. Одним из первых ярких свидетельств разлада в торговой сфере Уральского региона стала Ирбитская ярмарка 1917 г. По словам очевидца, открывшееся 25 января ежегодное «все-российское торжище» на этот раз ничем не напоминало прежнюю ярмарку, на главной улице – «тихо, пусто, сонно». Количество участников было минимальным. Из екатеринбургских купцов почти никто не приехал – было нечего везти. Даже по сравнению с предыдущим 1916-м г., товарооборот ярмарки уменьшился до «микроскопических» размеров [см.: Ирбит, 1917; Открытие Ирбитской ярмарки, 1917].

Судя по опубликованным в последние годы документам, Временное правительство во многом оказалось заложником ситуации, порожденной в условиях войны зависимостью обеспечения армии и городского населения от текущего сельскохозяйственного производства. Опасность этого положения была очевидной еще в 1915 г. Тогда же в спешном порядке предпринимались попытки создать систему государственного регулирования продовольственного снабжения. Среди мер, которые должны были устранить нехватку товаров, было введение 9 сентября 1916 г. твердых цен на зерно и муку, закупаемых по распоряжению правительства, попытка министра земледелия 29 ноября 1916 г. провести хлебную разверстку силами местных продовольственных органов. Однако в условиях стремительной инфляции держатели хлеба отказывались продавать его по твердым ценам и бойкотировали разверстку. В итоге население городов оказалось под угрозой голода при наличии многомиллионных запасов хлеба в деревне. Курс Временного правительства, также направленный

на установление хлебной монополии и твердых цен, мало способствовал налаживанию системы снабжения [см.: Продовольственная безопасность Урала, 2000, 8–9].

В условиях всевозрастающей нехватки продовольствия, во многих городах и заводах Среднего Урала комитеты общественной безопасности (КОБы) или Советы рабочих и солдатских депутатов стали проводить обыски на частных складах с целью выявления придерживаемых товаров. Екатеринбургским старообрядцам из торгово-промыслового сословия некоторую помощь могло оказать избрание в апреле 1917 г. в местный КОБ представителя от общества часовенных – Д. Н. Плешкова [см.: Представитель от старообрядчества, 1917]. Вероятно, благодаря этому старообрядческие деятели имели возможность не допускать прямого ущерба своим интересам. Однако даже теоретически представляется неправдоподобным подобное предположение в отношении другого представителя старообрядческой семьи – И. П. Тарасова, который вошел в состав того же КОБа, а в марте 1917 г. был введен в его следственную секцию [см.: Следственная секция, 1917]. 4 апреля 1917 г. он стал членом Екатеринбургского комитета эсеров и с тех пор часто председательствовал на собраниях местной организации этой партии [см.: Собрание социал-революционеров, 1917].

К контролю за тем, чтобы «дефицит» не уходил в другие местности, уездными продовольственными комитетами привлекалась и полиция: на улицах, ведущих к выезду из населенного пункта, проверяли все обозы, расспрашивая, где куплен и куда направляется товар. От последних мер страдали более крупные торговцы, чьи интересы и связи выходили за пределы одного города или уезда. Одним из немногих фигур подобного масштаба в часовенном согласии был Г. Г. Щербаков, имевший в Камышловском уезде Пермской губернии несколько паровых мельниц-крупчаток. Зимой 1917 г. он многократно штрафовался за продажу муки «лицам из Верхотурского и Ирбитского уездов по ценам, далеко превышающим установленные обывательским комитетом» [Камышлов, 1917]. Низкие закупочные цены, установленные властями, «в то время, когда все дорожает», вызывали нарекания и у большинства крестьян; отзвуки их недовольства прозвучали даже на съезде священников и мирян белокриницкого согласия в Очерском заводе Пермской губернии 4 мая 1917 г. [Епархиальные съезды, 1917, 467–468].

В относительно благополучном положении находились мелкие кустарные производства, однако и они не обходились без трудностей. Например, старообрядцы – владельцы мастерских Екатеринбурга, Шарташа, Невьянска, играющие заметную роль на местном рынке кожи и изделий из нее, – еще в июле 1916 г. были напуганы постановлением министра торговли и промышленности, по которому право закупки кожевенного сырья на европейской части страны предоставлялось только губернским и уездным комитетам Всероссийского земского союза, направлявшим его заводам, работающим для нужд армии.

Кроме ощутимого экономического ущерба, ослаблению позиций крупных предпринимателей, в т. ч. и старообрядцев, способствовали стремительно углубляющиеся социальные противоречия, а также прогрессирующие в обществе

стремления приписывать неудачи и беды проискам неких «темных сил», образ которых, будучи сначала весьма размытым, по мере обострения ситуации обретал все более конкретные (хотя и многоликие) воплощения. Одной из таких «ипостасей» в представлениях масс в конце концов стала буржуазия [см.: Поршнева, 2000]. Эти настроения в некоторой степени оказывали влияние на отношения в старообрядческом мире. В числе причин, по которым крестьяне-старообрядцы, и прежде имевшие претензии к компромиссным действиям торгово-промышленной верхушки, отказались поддержать «старообрядческую политическую программу», было ее несоответствие «настроенности всего старообрядчества, [поскольку] она выработана при участии наиболее имущих старообрядцев...» [Старообрядческий съезд, 1917].

Впоследствии в первую волну послеоктябрьской эмиграции старообрядцев с Урала вошло подавляющее большинство представителей торгово-промышленных кругов, уже получивших к тому времени представление о национализации. Это как раз те, кто были попечителями старообрядческих общин и играли видную роль в жизни местных обществ. Известно, что в 1919 г. с отступающей армией А. В. Колчака из Екатеринбурга и Челябинска уехали такие светские и духовные лидеры общин часовенного и белокриницкого согласий, как П. С. Мокрушин, В. О. Ульянов, П. С. Тяжелых, С. И. Соколов, А. Е. Калинин, П. К. Толстых, Л. М. Астраханцев, С. З. Заплатин, Г. Г. и Ф. Г. Щербаковы [УГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 32016, л. 105]. В последующее время некоторые из них эмигрировали за границу, кое-кто осел в Сибири и лишь единицы вернулись на родину. После этого «исхода» поддерживать славу Екатеринбурга как «корня часовенных... откуда оно берет жизненную силу в своем духовном развитии» [Белоглазов, 1916, 18] осталась более однообразная по социальному составу община.

В Уфе, где торговцы и промышленники из числа «австрийцев» летом 1917 г. сумели организовать обсуждение и поддержку «Политической программы старообрядцев» представителями большинства согласий губернии, через три года наблюдалась следующая картина. В белокриницкой общине из 60 прихожан Казанской церкви занимались торговлей только двое, остальные были служащими (3 человека), крестьянами (7), рабочими (9); более половины общины нигде не работали – это были женщины-домохозяйки (34) и инвалиды (5) [см.: Сергеев, 1997, 169].

Влияние экономических неурядиц революционного времени сказалось и на жизни старообрядцев сельскохозяйственного Зауралья. В 1917–1918 гг. в общинах часовенных Тобольской губернии развернулась полемика о приемлемости различных кооперативов. Детальная аргументация, выдвигаемая старообрядцами, которые были противниками артельных торговых объединений, приводится в сочинении крестьянина д. Жидки Ишимского уезда Сафона Лаптева «На союзы» (в 1919 г. не ранее 31 мая он ушел на Алтай, а затем в скит о. Саввы в Колыванской тайге, где был накрыт под именем Симеона. Впоследствии стал руководителем старообрядческих скитов, переместившихся к тому времени в Восточную Сибирь, написал еще несколько сочинений) [см.: Покровский, Зольникова, 2002, 239–277; Духовная литература староверов, 1999,

159–253, 676–679]. Сам автор впоследствии говорил, что работа «На союзы» написана в 1918 – начале 1919 г. Однако наблюдения, давшие пищу для раздумий, очевидно, могли быть сделаны как в более раннее, так и в более позднее время. Сочинение содержит доказательства идентичности предсказанной в Апокалипсисе Иоанна Богослова общности людей, принявших печать Антихриста, и активно учреждаемых «артелей союзных»: «... пророчество говорит, что никто же возможет ни купити, ни продати, токмо кто имеет начертание, или имя зверя. И в союзах тоже только может купить, кто носит имя союза, сиречь нарицается союзником. Зри, человеце, сходство пророчества с событием... Преподобный Ефрем Сирий, предуведев, издалеча нам поведает, что в последнее время как хлеб, так и всякая вещь будет продаваться чрез печать Антихристову. А мы сей час налицо видим, что уже совсем расширяется дьявольское действие, воздвигся союз, и в нем продают всякую вещь, но только тому, кто припишется к союзу...» [Духовная литература староверов, 1999, 161–162]. Таким образом, основным объектом критики автора является сфера «союзной» торговли (которую ведут кооперативные лавки, маслоделки и пр.), от которой «урон» праведному порядку наиболее очевиден. Во-первых, в состав союзов могут входить еретики и безбожники, а «обществующие» с ними «чрез сие распинают Христа»; во-вторых, в них торгуют по воскресеньям, в то время как по Писанию этот день должно посвящать Богу, а не работе: «... вот тут и является мерзость египетския работы, бесчестится день Господень» [Духовная литература староверов, 1999, 166]; в-третьих, среди прочих товаров в лавках продавались запрещаемые старообрядцами табак и водка.

Надо отметить, что кооперативное движение в Зауралье возникло еще в последнее десятилетие XIX в. По инициативе правительства в Сибирь, «чтобы местные люди не стали готовить плохого масла, которое могло бы повредить нашей торговле с иностранцами», были направлены инструкторы, которые следили за технологией производства на маслодельных заводах. Однако только этой деятельностью специалисты себя не ограничивали. Наблюдая, как «главная выгода от маслоделия достается купцам и другим предпринимателям и что иначе могло бы повернуться дело, если бы крестьяне, поставляющие молоко на завод, стали сами готовить масло», они начали способствовать устройству артелей [см. об этом: Каратыгин Е. 1903, 354]. Некоторые исследователи утверждают, к сожалению – без ссылки на документы, что задача организации артельных маслодельных заводов изначально ставилась Министерством земледелия и государственных имуществ перед командированными в Зауралье специалистами, каковым был и один из «родоначальников» местного кооперативного маслоделия В. Ф. Сокульский [см.: Еремеев, 1990, 59–60].

Среди несомненных выгод от создания артельных товариществ отмечалось вытеснение с рынка частных заводчиков («видя что им бороться с артелью трудно, продают ей свой завод, а сами уходят на новые места») и освобождение крестьян от «кабалы» купцов – через образование при артелях своеобразных потребительских лавок: «... мало-помалу артельщики стали уже нарочно закупать различные ходовые товары (керосин, чай, сахар, спички и даже ситцы), складывали их в особое помещение при заводе и понемногу распродала

своим же артельщикам или раздавали им в долг под молоко, но, конечно, цену ставили божескую, так как им не приходится наживать от самих же себя» [Каратыгин, 1903, 355]. Н. Д. Зольникова, разбирая указанное сочинение С. Лаптева, приводит данные из «Истории Сибири» [1968, 203] о бурном развитии крестьянского маслоделия в Тобольской губернии: в 1901 г. в Кургане была создана Организация содействия кооперативным формам развития маслоделия в Сибири, работа которой привела к созданию сотен артелей, охвативших более 50 тыс. (80 %) крестьянских хозяйств [см.: Покровский, Зольникова, 2002, 239–247]. Позднее размах кооперативного маслоделия стал поистине колоссальным, особенно когда продолжением Организации стало еще более крупное объединение – Союз сибирских маслодельных артелей, история которого началась в ноябре 1907 г., после того как 12 кооперативов Курганского уезда договорились о совместном сбыте своей продукции. К 1917 г. в Союз входило более 2 500 артелей и артельных лавок из семи губерний Урала, Сибири и Степного края, в том числе Тобольской и Оренбургской. Закупочные конторы Союза располагались в Москве, Владивостоке и Самарканде, имелось представительство даже в Лондоне, где были подписаны несколько договоренностей о товарообмене сельхозпродукцией с кооперативами Австралии и Новой Зеландии [см.: Десятилетие нашего союза, 1918, 2–4].

Примечательно, что до 1917 г. зауральские старообрядцы не подвергали сомнению приемлемость артельных объединений. В многочисленных соборных постановлениях поморского согласия 1906–1917 гг. – Колесовского (12 марта 1906 г.), Гагаринского (20 декабря 1912 г., 3 марта 1913 г.), Младодубровского (9 июня 1914 г., 14–15 июня 1915 г.), – нет ни одного упоминания о полемике вокруг кооперативной торговли и т. п. [см.: Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V.204p/4052, л. 79 об.–83 об.; VI.152p/990; V.56p/1008; V.22p/641, л. 83–89 об.]. В с. Бродокалмакском Челябинского уезда Оренбургской губернии кредитное товарищество, созданное в 1911 г. тридцатью местными жителями, к 1 января 1917 г. объединяло уже 1 157 человек, причем заметных разногласий не вызывало: «...польза очевидна всем... общество ведет снабжение продовольствием, семенными хлебами, сахаром, солью, крупчаткой» [С. Бродокалмакское, 1917]. О том, что часовенные в Тобольской губернии также вступали в разного рода артели, говорит в своем сочинении и сам С. Лаптев: «Востали артели союзные, и мы их любезно приемлем, а не осмотримся, ладно ли сие делаем» [Духовная литература староверов, 1999, 159]. Оренбургские, уфимские, пермские и тобольские миссионеры, наблюдающие за «раскольниками» в подведомственных им епархиях, также не отмечают признаков отрицательного отношения староверов к подобного рода товариществам [см.: ОЕВ, УЕВ, ПЕВ, ТЕВ за 1900–1917 гг.]. Считается, что в Зауралье в маслодельные кооперативы в качестве поставщиков молока для заводов входило до 80 % хозяйств [см.: Покровский, Зольникова, 2002, 247]. Журнал «Церковь» настаивал на том, что в Западной Сибири все общественные маслоделки («молоканки») являлись «продуктом самодеятельности» старообрядцев [Омск, 1909, 567], однако это, вероятно, все же следует считать преувеличением, поскольку С. Лаптев критикует артели и союзы в первую очередь за их «смешанный» состав, за то, что

в них «обретаются различных сект еретики и безбожники, немцы и жида» [Духовная литература староверов, 1999, 162].

В горно-заводской зоне на появившиеся приблизительно в то же время кредитные, ссудо-сберегательные и потребительские общества (Екатеринбургское общество рабочих и служащих торгово-промышленных и фабричных предприятий и кустарных мастерских известно с 1908 г.) старообрядцы смотрели совершенно спокойно, если не благожелательно. Например, в Старо-Уткинском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии лавка общества потребителей располагалась прямо в доме известных в часоленном согласии староверов-иконописцев Филатовых [Уральская икона, 1998, 328]. Редакция журнала «Уральский старообрядец», отвечая на вопросы читателей в 1916 г., уверенно обосновала допустимость даже для настоятеля общины исполнять должность кассира кредитного общества: «...цель товарищеской организации – помощь беднейшему населению. Так что ничего зазорного в этом нет» [Ответы редакции, 1916, 35–36]. Заметим все же, что в числе самых активных сотрудников редакции был начетчик А. Т. Кузнецов, не считающий предосудительным элементом «смешения» ни вступление в партию эсеров, ни объединение крестьян безотносительно их вероисповедания в союзы с целью ведения «правильной» борьбы за землю [Совет крестьянских депутатов, 1917]. С. Лаптев, в отличие от А. Т. Кузнецова, воспринимал сообщение с иноверными, членство в одной организации с ними как душепагубное отступление [см.: Покровский, Зольникова, 2002, 247–248].

Вполне допустимо, что до определенного момента, а именно до появления во время Первой мировой войны острых проблем в сфере товарооборота и всевозрастающего давления властей на крестьян, сильных предубеждений к кооперативному движению не проявлялось, а существующие настроения против «смешения» не были основанием для противодействия. С. Я. Лаптев, чутко и критично воспринимавший окружающую действительность и рано пришедший к выводу о том, что в миру душу не спасти, в своем порицании торговой кооперации, возможно, не всегда находил поддержку даже в собственной семье, которая была достаточно зажиточной и, возможно, склонялась к участию в маслодельном кооперативе, поскольку проживала в районе, где они были распространенным явлением.

В сочинении С. Лаптева рассматриваются только торгово-производственные артели и нет упоминания о появившихся потребительских кооперативах, хотя они тоже по тем же критериям, что и маслоделки, вполне могли быть названы «антихристовыми» союзами. Рост подобных объединений, происшедший в последний предреволюционный год на фоне свертывания рынка свободной торговли, был очень высоким. На Урале в 1916–1917 гг. действовал Уральский союз потребительских обществ, базировавшийся в Екатеринбурге и работавший через отделения уездного уровня с «кооперативными ячейками» – сельскими и деревенскими потребительскими обществами. Его целью было снабжение ячеек предметами первой необходимости. Так, например, в Камышловском уезде Пермской губернии в начале 1916 г. местное отделение насчитывало лишь 43 общества, а к концу года уже – 130 [см.: Камышлов, 1917].

Через них население могло сбывать, хотя и по низким ценам, свою продукцию и получать доступ к товарам, перебои с которыми случались все чаще и чаще. Тот же, кто отказывался воспользоваться услугами кооператива (например, его не устраивала ценовая политика) имели очень мало легальных возможностей продать зерно или муку самостоятельно и подороже из-за введенных правительством твердых закупочных цен (в Пермской губернии хлебная монополия была введена с 1 июня 1917 г.). Положение этих людей еще больше ухудшилось после того, как большевики, пришедшие к власти на местах в октябре 1917 – марте 1918 гг., поставили под свой контроль Советы крестьянских депутатов, через которые начали осуществлять государственную монополию на реализацию хлеба. В опубликованном 9 марта 1918 г. обращении Уралоблсовета к трудящимся каждому крестьянскому хозяйству предписывалось сдать в общественный амбар в распоряжение продовольственного отдела уездного Совета все запасы, превышающие норму (10 пудов хлеба на едока), и определяемое местным Советом количество фуражного зерна. Из сданных излишков часть следовало отдать голодающим уезда, остальное вывезти на областные сыпные пункты. Следует заметить, что сыпные пункты не являлись изобретением советской власти. Они создавались и ранее представителями продовольственных управ, выезжающими в деревни производить закупки хлеба. Большевики лишь «усовершенствовали» и расширили эту систему, перейдя к принудительным и практически не оплачиваемым изъятиям [см.: Продовольственная безопасность Урала, 2000, 254–255, 266–267, 270–271]. Оплата сданного зерна производилась по большей части квитанциями, сроки погашения которых были растянуты на несколько этапов и определялись местным советом. Уклонявшиеся от сдачи излишков объявлялись врагами народа, и их судили по законам военного времени [см.: Иванов, Тертышный, 2002, 55].

Один из пассажей сочинения С. Лаптева можно расценить как критику подобного положения дел: «...и старается дьявол собрать весь [хлеб] в союз, а вольную куплю и продажу прекратить, и дать всю власть союзу... И мы видим, что сие его действие начинает исполняться повсюду. Уже восстали мадымские блудницы, т. е. союзные лавки, и вси любезно их приемлют, наверно, воздвигнут скоро для сыпки и торговли хлебом магазины» [Духовная литература староверов, 1999, 164–165].

Приблизительно в то же время, когда будущий настоятель Дубчесских скитов в родной д. Жидки Учанской волости Ишимского уезда Тобольской губернии пишет свое сочинение, собор часовенных в находящейся неподалеку д. Мишкиной Курганского уезда 14 сентября 1918 г. (7427 г.)² выносит постановление, запрещающее «христианам входить членами в кредитные товарищества и артельные лавки совместно с иноверными» [Духовная литература староверов, 1999, 370]. Так, сформулированная в первом произведении молодого

² Исследователи отмечают, что датировка этого собора представляет определенную сложность из-за того, что старообрядцы, указывая даты от Сотворения мира, использовали два варианта отсчета; по первому от Сотворения мира до Рождества Христова прошло 5 508 (5 509) лет, т. е. 1918-й г., по второму (александрийскому) – 5 500 (5 501) лет.

ревнителя веры (С. Лаптеву в 1918 г. исполнилось 23 года) его собственная точка зрения совпала с реакцией крестьян-старообрядцев Зауралья на кризисные явления в экономике, особенно остро проявившиеся в течение 1917 г. и еще более усугубившиеся в ходе реализации большевистской политики в аграрном и торговом секторах.

Политика советской власти в деревне, направленная на развязывание борьбы бедняков против кулачества, базировалась на нескольких декретах. Два из них – «О товарообмене для усиления хлебных заготовок» (от 2 апреля 1918 г.) и «О чрезвычайных полномочиях по борьбе с буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» (от 14 мая 1918 г.) – лишили крестьян «не только права свободной продажи излишков, но и права требовать платы за них» [Иванов, Тертышный, 2002, 59]. Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. ввел продовольственную диктатуру государства и предоставил Советам право бесплатного изъятия не заявленного к сдаче хлеба. 11 июня 1918 г. также ВЦИКом было провозглашено создание комитетов бедноты, призванных стать ядром крестьянства, поддерживающего советскую власть. Следствием такой политики стало изменение отношения зажиточного крестьянства к советской власти: именно с весны 1918 г. нейтралитет уступил место неприятию и враждебности³. Крестьянские восстания, начавшиеся летом по всей территории Урала, охватили также и местности, где старообрядческое население было преобладающим. Одним из таких «кулацких мятежей» был вспыхнувший 18 августа 1918 г. в с. Сепыч Оханского уезда Пермской губернии мятеж [НБ МГУ, Верхокамское собр., № 1547], где по Спискам населенных мест Пермской губернии в 1908 г. все селения Сепычевской и Екатерининской волостей Оханского уезда были сплошь старообрядческими. Эти выступления способствовали смене власти антисоветскими режимами [см.: Васьковский, 1967; Васьковский, Тертышный, 1984, 126]. В первое время после изгнания коммунистов настроенные против них слои деревни стали основным источником антибольшевистских военных формирований.

Однако в условиях гражданской войны любая власть, вне зависимости от политической окраски, не может обойтись без конфискации, контрибуций и пр., а при сопротивлении начинает проводить репрессии. Подобные меры, дополненные комплексом противоречивых земельных постановлений анти-

³ Видимо, пассивной можно назвать позицию части казачества после вступления красных в Оренбург в январе 1918 г. Участник выступления атамана А. И. Дутова в своих мемуарах впоследствии описал настроения казаков-старообрядцев одной из оренбургских станиц, основываясь на высказываниях старика-старовера, у которого они останавливались на ночевку: «...Даже у стариков в голове сумбур. Ленинскую марксистскую революцию понимают как сведение счетов крестьян с помещиками, в которые им, казакам, вмешиваться никак не следует. По-видимому, в этом отношении симпатии нашего хозяина на стороне революции. Также доволен он и концом войны и демобилизацией. Зато без царя жить никак нельзя, и здесь он ругает большевиков, как ругает и молодых казаков, снявших погону» (Яконовский, 2001, 292). По мнению автора воспоминаний, большинство таких же «суровых и молчаливых стариков», встреченных им, колебались между казачьим нейтралитетом и желанием навести порядок.

большевистских правительств, запутывавших аграрный вопрос [см.: Рынков, 2001, 99–137], отталкивали от белого режима прежде лояльное к нему крестьянство.

Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, население в деревне в 1919 г. было занято отнюдь не сопоставлением и выбором наиболее приемлемой для себя власти, а пыталось свести к минимуму пагубное вмешательство и красных, и белых [см.: Нарский, 2001, 262–266]. При неоднократной смене власти мобилизацию в свои подразделения проводили и те и другие. Именно поэтому сложно сделать какие-либо выводы о том, на какой стороне были старообрядцы в период Гражданской войны, даже имея данные об участии конкретных лиц в Красной армии и колчаковских войсках. В целом, упоминания о военной службе у белых встречаются в источниках так же часто, как и свидетельствования о службе у красных. Для сравнения можно перечислить найденные в судебно-следственных делах сведения о староверах, побывавших в подразделениях А. В. Колчака: жители Сылвинского завода Кунгурского уезда Пермской губернии И. А. Ржанников, П. Е. Быков, Г. А. Ермолин; И. П. Мокрушин из Екатеринбурга; жители д. Солобоево Ялуторовского уезда Тобольской губернии В. Г. Почежерцев, А. Ф. Солобоев, Т. Е. Башкиров (естественно, впоследствии подобные факты своей биографии люди старались не афишировать, но если уж о них становилось известно, то не отрицали, объясняя все обязательностью мобилизации) [см.: УГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 27437, л. 279–281; д. 32016, л. 103–104; Архив УФСБ ТО, Общий следственный фонд, д. 2692, т. 2, л. 240–255] – и сопоставить их с присутствующими там же данными о старообрядцах-красноармейцах: крестьянин д. Солобоево Ялуторовского уезда Тобольской губернии И. И. Иноземцев; крестьянин д. Морозовой Очерского уезда Пермской губернии Д. С. Вотинков; крестьянин с. Тахтарево Кунгурского уезда Пермской губернии И. И. Лугин; крестьянин д. Шипеловой Екатеринбургского уезда Пермской губернии Е. И. Коптелов; крестьянин д. Черная Гора Кунгурского уезда Пермской губернии Б. И. Коньков; житель д. Мельниково Ялуторовского уезда Тобольской губернии А. А. Мельников [см.: Духовная литература староверов, 1999, 668; ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 52, л. 184; УГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 13607, л. 187; д. 17394, л. 78–78 об.; д. 32188, т. 2, л. 236–238; Архив УФСБ ТО, д. 2692, т. 2, л. 240–255].

Безусловно, среди активных деятелей старообрядчества было немало противников большевистской власти, политика которой (в т. ч. и антирелигиозная) была очевидной уже после ее первых правительственных декретов и распоряжений местного масштаба. Однако в настоящее время не представляется возможным определить, насколько велик процент тех старообрядцев, кто прошел полностью путь от неприятия нового порядка до обоснования необходимости последовательного вооруженного противодействия и сознательного участия в нем (хотя теоретически подобное выступление против властей, даже при условии, что они еретические или антихристовые, содержало в себе противоречие примиряющему с властями тезису, который признавался большинством старообрядческих согласий: «кесарю – кесарево»).

Появившиеся в разгар антирелигиозной кампании конца 1920-х – начала

1930-х гг. первые советские развернутые публикации о старообрядчестве в годы Гражданской войны, фактологические данные из которых до сих пор используются исследователями, настаивают на том, что «...деятельность сибирского старообрядчества (судя по контексту, под «сибирским старообрядчеством» подразумеваются все староверы, находившиеся на территориях, занятых армией А. В. Колчака. – Ю. Б.) во весь период колчаковской реакции была направлена всецело к тому же, к чему сводилась деятельность белогвардейского правительства, возглавляемого А. В. Колчаком, начиная от Уфы и Перми и кончая Дальним Востоком. Между правительством А. В. Колчака и епископами Пермским, Томско-Алтайским и приамурским был установлен тесный союз и общий план действий в борьбе против советской власти» [Эристов, 1929, 47–48]. В качестве доказательства этой деятельности, приверженность которой экстраполирована на все старообрядческие течения, приводятся цитаты из приветственной телеграммы А. В. Колчаку от Пермского епархиального съезда «австрийцев» 1919 г.: «...Да поможет Вам Всевышний на избранном Вами тернистом пути донести взятое бремя до сердца России – Москвы и очистить святыню русскую от коммунистической мерзости», из переписки Главного управления вероисповеданий омского правительства с Барнаульским съездом старообрядцев всех согласий, проходившим в июне 1919 г. «...Управление... признавая своевременным пересмотр вопросов о государственном положении старообрядчества... шлет съезду искренние пожелания в плодотворной культурно-просветительской работе...» [Долотов, 1930, 62–63]. Кроме того, упоминается работа старообрядческих молодежных кружков «по распространению контрреволюционной идеологии» в Томске, Омске, Новониколаевске, Тюмени, Екатеринбурге, Миассе и др., введение в армии А. В. Колчака института старообрядческих священников под руководством епископа Филарета (белокриницкое согласие), а также организация старообрядческих отрядов в Омске и Новониколаевске в сентябре 1919 г. [см.: Там же, 1930, 64–65]. На следствии 1938 г. один из бывших екатеринбургских старообрядческих деятелей дал показания о том, что несколько знакомых ему «австрийцев», отступивших с белыми до Барнаула, занимались организацией «крестоносных» дружин, в которые шли в т. ч. и староверы [УГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 32016, т. 1, л. 105–106]. Даже принимая во внимание неизбежные «преувеличения», вызванные в 1930-х гг. особенностями следственных процессов, и идеологически заданные интерпретации исторических событий в первых трудах о Гражданской войне, можно все-таки допустить, что для определенной части старообрядчества, сначала лояльно относившейся к власти большевиков, в первые месяцы 1918 г. все же стала очевидной неприемлемость новых условий жизни, что и подтолкнуло ее к участию в вооруженном сопротивлении.

Надо отметить, что даже в период Гражданской войны ряд влиятельных деятелей старообрядчества старался избегать милитаристских воззваний. Материалы журнала «Сибирский старообрядец», издававшегося с декабря 1918 г. в Барнауле священниками и мирянами белокриницкого согласия при участии такого известного идеолога общественно-политической жизни старообрядчества как Ф. Е. Мельников, не скрывавшего своей неприязни к социал-демократам

[см.: М. Впечатления от съезда, 1917, 354], в первых номерах демонстрируют хотя и антибольшевистские, но отнюдь не воинственные настроения: «...эта проклятая контр-революция... Искали ее, искали и, наконец, доискались до того, что нет ни контр-революции, ни самой революции, ни даже родины-России. Ничего нет. И сидим мы у разбитого корыта... Нужно отдать справедливость этим новым строителям социального государства, они во многом преуспели... Не остается уже ни богатых, ни бедных, ибо одних убивают, а другие умирают с голоду...» [Суворов, 1919, 1–2]. Самый радикальный призыв журнала в начале 1919 г. заключался в словах: «...необходимо обратиться от беззаконий наших и от неправд наших. Отвергнуть все навеянное на нас людьми, потерявшими веру в Господа Христа и его св. Церковь» [Там же, 3]. Даже инициаторы устройства «контрреволюционных» кружков старообрядческой молодежи подчеркивали в своем заявлении, что предлагаемая мера направлена на идейную борьбу с атеизмом, материализмом и социалистическими течениями [см.: К старообрядческой молодежи Сибири, 1919, 10–11].

Вполне возможно, что лозунги белых, зовущие старообрядцев участвовать в добровольческих дружинах, формируемых в Сибири, могли появиться, как указано А. Долотовым, в августе–сентябре 1919 г., но до Урала, измотанного многократной сменой режимов, бесчинствами солдат обеих армий, восстаниями и голодом, они уже не дошли, поскольку части белого сопротивления с территории Оренбургской, Пермской, Уфимской и Тобольской губ. отступили летом 1919 г. Возможно, среди тех уральских добровольцев, что составили небольшую, но надежную часть армии А. В. Колчака, известную под именем «каппелевцев» [см. об этом: Мельгунов, 1930–1931, 176–177; Каппель и каппелевцы, 2003], и были старообрядцы. В. В. Кобко [Электрон. ресурс] упоминает об одном участнике перехода белой армии через Сибирь до Владивостока – священнике белокрыницкого согласия из Пермско-Тобольской епархии Иоанне Кудрине, в 1918–1919 гг. по поручению военного министерства российского правительства занимавшегося разработкой Положения о старообрядческом духовенстве, обслуживающем армию и флот. После падения Омска он сопровождал отступающие на восток войска (предположительно, был награжден крестом «За Великий Сибирский поход»), дошел до Приморья, некоторое время активно участвовал в жизни владивостокской общины «австрийцев», а в 1922 г. переехал в Харбин.

Однако подобное вовлечение в военные действия могло происходить отнюдь не столько под влиянием агитации нескольких представителей белокрыницкого согласия, базировавшихся в Томске и Барнауле (предположим, что она действительно имела место и широкое распространение), сколько под давлением обстоятельств: все-таки жители Урала в течение нескольких месяцев успели испытать на себе «прелести» большевистской власти. Коммунистическое «безбожие» наряду с комплексом мотивов лежащих в социально-политической и экономической сферах, могли стать как для населения Урала в целом [см. об этом: Мышанский, 2001, 109–136; Рынков, 2001; Сафонов, 2001], так и для старообрядцев причиной присоединения к белому движению либо выбора самостоятельного пути. Одним из них стало антикоммунистическое

сопротивление широких масс крестьянства Западной Сибири и Зауралья на заключительном этапе Гражданской войны, ставшее самым крупным из крестьянских выступлений по всей стране как по численности, так и по охвату территории – Западно-Сибирское восстание.

Оно началось в конце января 1921 г. в северо-восточном районе Ишимского уезда Тюменской губернии [см., например: Богданов, 1961; Лагунов, 1991; Третьяков, 1993; Третьяков, 2001; Шишкин, 1997, 46–54; Шишкин, 1999а, 96–98; Шишкин, 1999б, 161–172; За Советы без коммунистов, 2000; Сибирская Вандея, 2001]. За короткое время восстание охватило большинство волостей Ишимского, Ялуторовского, Тобольского, Тюменского, Березовского и Сургутского уездов Тюменской губернии, Тарского, Тюкалинского, Петропавловского и Кокчетавского уездов Омской губернии, Курганского уезда Челябинской губернии, восток Камышловского и Шадринского уездов Екатеринбургской губ. (в ряде этих районов, как уже отмечалось, старообрядцы составляли немалую часть населения), кроме того, затронуло север Туринского уезда Тюменской губернии, Атбасарский и Акмолинский уезды Омской губернии. На рубеже зимы – весны 1921 г. в восстании участвовало от 30 до 40 тыс. человек. Столь массовое движение было вызвано недовольством политикой большевиков (создание ревкомов, мобилизация, реквизиционные мероприятия) и тем как ее проводили представители местной власти, продотрядники и пр., творившие жестокий произвол и поставившие население на грань вымирания. Среди повстанцев подавляющее большинство составляли крестьяне (были среди них и кулаки, и середняки, и бедняки, и старожилы, и новоселы), но участвовали и все остальные социальные группы региона за исключением рабочих. Самые распространенные политические требования мятежников выражались лозунгами «Советы без коммунистов» и «За вольный труд» [см.: Шишкин, 1999б, 170–172].

К сожалению, в настоящее время не представляется возможным установить, насколько масштабным было участие старообрядцев в этом движении. В исследованиях, посвященных собственно Западно-Сибирскому восстанию, нет указаний на старообрядческую составляющую, выступавшие не предъявляли каких-либо определенных претензий к религиозной политике местных властей. Тем не менее, учитывая достаточно высокий процент «двоедан» (одно из исторически сложившихся названий староверов в Зауралье и Западной Сибири) среди населения отдельных охваченных восстанием районов (ведь в очаг восстания попали селения по Ирюму и весь Ялуторовский уезд), а также возможную настроенность зауральских крестьян-старообрядцев против продовольственных мероприятий большевистских Советов в 1918 г., можно утверждать, что поддержка ими лозунгов восставших и участие в вооруженном сопротивлении представляется вполне реальной.

Факты участия староверов в восстании подтверждаются архивными материалами. Например, в биографиях девяти человек – часовенных д. Солобоевой бывшей Исетской вол. Ялуторовского уезда Тобольской губернии, арестованных в 1938 г. в Тюмени по обвинению в создании контрреволюционной кулацко-повстанческой организации, есть упоминание об участии в «бандитском»

движении 1921 г. [Архив УФСБ ТО, д. 2692, т. 2, л. 240–242, 244–246, 248]. В данных материалах ничего не говорится о принадлежности к старообрядчеству солобоевцев (11 человек), это выяснено новосибирскими археографами [Архив УФСБ РФ Кк, д. 01902 (1951 г.), т. 8, л. 147]⁴. В целом, из проходивших по этому делу 43 человек (почти все они были осевшими в Тюмени раскулаченными и лишенными гражданских прав выходцами из двадцати деревень Исетского района и д. Нефаки Упоровского района, входивших в 1938 г. в состав Омской области) подобная запись в соответствующей графе анкеты арестованного была у 27 и расценивалась следователями как дополнительное косвенное свидетельство неблагонадежности подозреваемых.

В ходе подавления восстания репрессии обрушились и на восставших, и на зажиточную часть деревни вне зависимости от ее отношения к выступлению, вслед за этим последовало еще и увеличение налогов на состоятельное сельское население. Создавшиеся условия стали, в свою очередь, одним из факторов, питающих миграционные потоки старообрядцев на восток, в Сибирь. Отдельные представители часовенных Тюменщины начали свой уход на восток, в Нарымский край, как раз после подавления Западно-Сибирского восстания [см. об этом: Зольникова, 1998, 177–178].

Архив УФСБ РФ ТО (Тюменская область). Общий следственный фонд. Д. 2692. Т. 2. Архив УФСБ РФ Кк (Красноярский край). Д. 01902 (1951 г.) Т. 8.

Белоглазов Г. В критическом положении // Уральский старообрядец. 1916. № 1–2. С. 18.

Богданов М. А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.

Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале // Учен. зап. Урал. ун-та. 1967. Вып. 8: Вопросы истории гражданской войны на Урале.

Васьковский О. А., Тертышный А. Т. Некоторые итоги изучения социально-политических проблем истории гражданской войны (1918–1920) // Историография истории Урала периода Октябрьской революции и Гражданской войны 1917–1920. Сб. ст. Свердловск, 1984. ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 4. Д. 52.

Десятилетие нашего союза // Народная газета. 1918. № 1–2. С. 2–4.

Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930.

Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V. 204p/4052 Л. 79 об.–83 об., VI. 152p/990, V. 56p/1008, V. 22p/641. Л. 83–89 об.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. (серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. IX). Новосибирск, 1999.

Епархиальные съезды: 5-й благочинный округ Пермской епархии // Слово церкви. 1917. № 25. С. 467–468.

Еремеев А. П. Родина российских кооперативов // Рифей, 1990: Уральский краевед. сб. Челябинск, 1990. С. 59–70.

За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.): Сб. документов. Новосибирск, 2000.

Зольникова Н. Д. Урало-сибирские староверы в первой половине XX в.: древние традиции в советское время // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 174–190.

⁴ Автор благодарит Н. Д. Зольникову за предоставленную информацию о тюменских староверах из дела 1951 г.

- Иванов А. В., Тертышный А. Т.* Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917–1921 гг.): Опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002.
- Ирбит // Уральская жизнь. 1917. 28 января.
- История Сибири. Т. 3. Л., 1968.
- К старообрядческой молодежи Сибири // Сибирский старообрядец. 1919. № 4. 15 (28) янв. С. 10–11.
- Камышлов // Уральская жизнь. 1917а. 26 янв.
- Камышлов // Там же. 1917б. 27 янв.
- Каппель и каппелевцы / Сост. С. С. Балмасов и др. М., 2003.
- Каратыгин Е.* Маслодельные артели // Сельский вестник. 1903. № 20. С. 354.
- Кобко В. В.* Материалы по истории старообрядческой Свято-Никольской общины г. Владивостока [Электрон. ресурс] / Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева. Режим доступа www.arseniev.org/articles.
- Лагунов К. Я.* Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991.
- М.* Впечатления от съезда // Слово Церкви. 1917. № 19. С. 354.
- Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака: Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Ч. 3, т. 2. Белград, 1930–1931.
- Мышанский А. А.* Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 109–136.
- Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. НБ МГУ. Верхокамское собр. № 1547.
- Омск // Церковь. 1909. № 17. С. 567.
- Ответы редакции // Уральский старообрядец. 1916. № 8. С. 35–36.
- Открытие Ирбитской ярмарки // Уральская жизнь. 1917. 31 янв.
- Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.
- Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000.
- Представитель от старообрядчества // Зауральский край. 1917. 12 апр.
- Привет старообрядцев // Там же. 1917. 8 апр.
- Продовольственная безопасность Урала в XX веке: Документы и материалы, 1900–1984 гг. Т. 1. Екатеринбург, 2000.
- Рынков В. М.* Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918 – 1919 гг.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 99–137.
- С. Бродокалмакское // Зауральский край. 1917. 6 марта. (№ 50).
- Сафонов Д. А.* Казачество в революции и гражданской войне 1917–1922 гг. [Электрон. ресурс] // Мир истории. 2001. № 6. Режим доступа: www.historia.ru.
- Сергеев Ю. Н.* Из истории закрытия Казанской старообрядческой церкви в г. Уфе (нач. 30-х гг. XX в.) // Старообрядчество. История. Культура. Современность: Тезисы III науч.-практ. конф. «Старообрядчество: история, культура, современность». Москва, 15–17 мая 1997 г. М., 1997. С. 169–171.
- Сибирская Вандея. Т. 2. (1920–1921). М., 2001.
- Следственная секция // Уральская жизнь. 1917. 17 марта.
- Собрание социал-революционеров // Там же. 1917. 8 апр.
- Совет крестьянских депутатов // Зауральский край. 1917. 30 марта.
- Старообрядцам // Там же. 1917. 10 марта. (№ 54).
- Старообрядческий съезд // Там же. 1917. 10 окт.

- Суворов Д.* За что мы наказаны // Сибирский старообрядец. 1919. № 4. 15 (28) янв. С. 1–2.
- Третьяков Н. Г.* К вопросу о возникновении Западно-Сибирского крестьянского восстания // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993.
- Третьяков Н. Г.* Массовые источники о численности участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г.: Материалы дня истории (15 февраля 2001 г.) Тюмень, 2001.
- УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13607, 17394, 27437, 32016, 32188.
- Уральск // Слово Церкви. 1917. № 18. С. 341.
- Уральская икона: Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX вв. Екатеринбург, 1998.
- Шишкин В. И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. С. 137–175.
- Шишкин В. И.* К вопросу о возникновении Западно-Сибирского мятежа 1921 года // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 96–98.
- Шишкин В. И.* К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Отечественная история. Новосибирск, 1997. № 2. С. 46–54.
- Шишкин В. И.* Партизанско-повстанческое движение в Сибири в начале 1920-х годов // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999. С. 161–172.
- Эристов А.* Церковь на службе у колчаковщины: (К 10-летию освобождения Урала от Колчака) // Бюллетень общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1929. № 1–2. С. 47–48.
- Яконовский Е. М.* Пугачевские дороги // Сопrotивление большевизму, 1917–1918 гг. М., 2001. С. 292.

Л. Н. Мазур

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА УРАЛЕ

Особенности учета и регистрации поселенческой сети в документах 1930–1980-х гг.¹

Проблемы эволюции сельского расселения относятся к категории междисциплинарных, что неизбежно накладывает отпечаток на методологию, источниковую базу исследования и на его понятийный аппарат. Изначально расселение рассматривалось как объект изучения географии. Именно в системе координат данной науки формируются основные понятия и подходы, присущие рассматриваемой теме. Учитывая эти моменты и принимая во внимание историческую обусловленность изучаемого явления, расселение можно определить как исторически сложившуюся территориально организованную сеть поселений, между которыми существуют устойчивые связи (производственные, социальные, бытовые), а также распределение функций в соответствии с местом

¹ Тема поддержана грантом РФФИ № 03–06–80436